

ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Осипов Владимир Викторович

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАТИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТИНЫ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: функционально-целевой подход, философия, истина, абсолютная истина, описание истины в языке, объективная реальность, знание, очевидность, естественный язык общения.

Автором статьи обращено внимание на претензии философской науки к функциональности естественного языка общения. Рассмотрены необходимость и возможность определения философского понятия «истина» в естественном языке общения. На примере русского языка опровергнуто мнение о несовершенстве естественных языков. Показана возможность определения истины в естественном языке общения.

Keywords: The is target-functional approach; philosophy; true; the absolute true; the true description in language; the objective reality; knowledge; evidence; natural language communication.

The dissatisfaction of a philosophical science to functionality of a natural language is noted. Necessity and possibility of definition of philosophical concept «true» in a dialogue natural language are considered. On Russian example will deny a myth about imperfection of natural languages. Possibility of definition of true in a dialogue natural language is proved.

Введение

Философское понятие «истина», традиционно рассматриваемое, как характеристика соответствия между мыслями и высказываниями человека и объективной реальностью, а, в конечном счете, и как соответствие вышеназванной зависимости причинно-следственно связанным с ней результатам его деятельности, имеет определяющее значение в целенаправленной деятельности человека и поэтому должно занимать одно из центральных мест в философской науке.

При этом очевидно, что широкий диапазон вполне практического использования понятия «истина» требует внятного описания простым и общепринятым языком общения как сущности самого понятия «истина», так и его критериев. Причем это должно быть сделано без утраты точности отображения рассматриваемых аспектов объективной реальности. Другими словами, имеется насущная необходимость всестороннего и адекватного определения сущности и критериев понятия «истина» в естественном языке общения. По мнению известного ученого-философа А.Л. Никифорова, без критериев истины само это понятие становится пустым и бесполезным [7, с.127]. Однако, в философской трактовке не только критериев понятия «истина», но и самой концепции этого понятия в последние десятилетия выявился ряд спорных вопросов, требующих своего решения. Наиболее значимый из них заключается в том, что *при использовании философией сравнительно новых для неё механизмов исследования (в частности, средств логико-семантического анализа), в философской среде возникли сомнения в возможности определения истины в естественном языке общения.*

К сожалению, сам факт возникновения данного вопроса внутри философской науки (ученые «со стороны» к философии или используемому ей языку в этом плане претензий не предъявляли) свидетельствует о том, что указанные вопросы вряд ли могут быть решены в рамках философской науки и механизмами самой философии. И поэтому философская наука нуждается в помощи консолидированных усилий всего научного сообщества. Определенную роль в которых предстоит сыграть и предлагаемой нами публикации.

О сущности проблемы и путях её разрешения

Суть возникшей проблемной ситуации заключается в том, что: «Современное состояние аналитической философии науки можно охарактеризовать, как кризис. Парадигма, созданная логическим позитивизмом, разрушена, выдвинуто множество альтернативных методологических концепций, но ни одна из них не может удовлетворительно решить обсуждаемые проблемы. Нет ни одного принципа, ни одной методологической нормы, которые не подверглись бы сомне-

нию» [7, с.127]. При этом «к внутренним источникам кризиса можно отнести отказ философии науки от принципа отражения и, соответственно, от понятия истины» [7, с.127].

Не лучшим образом сказалось на философии науки и увлечение дескриптивностью¹, которое в контексте обсуждаемого вопроса можно рассматривать, как привлечение неоправданно большого внимания к субъекту научной деятельности и его личностному видению ситуации в ущерб требованиям к практической применимости результатов его научной деятельности. Это способствует порождению научных мифов, которые не в состоянии разрушить никакая наука или практика. Потому, что мифы не могут быть обоснованы и восприняты «сухой силой» рациональной мысли. Не случайно мифология входит существенной частью в состав религиозных верований, что уже само по себе составляет языческую форму религиозного сознания. Как отмечает А.Л. Никифоров, «Фатальную роль для аналитической философии науки сыграло введение в неё понятия субъекта научной деятельности, которое первоначально появилось в виде понятия научного сообщества» [7, с.129]. «Возникла проблема взаимопонимания между учеными, школами, эпохами.» При которой наука «предстала как арена борьбы индивидуальных страстей и заблуждений», основанная, по сути, на отстаивании групповых интересов «сообщества, скрепленного общими верованиями и стереотипами поведения» [7, с.129].

Дело дошло до открытого демарша некоторых философов, например, П.К. Фейерабенда, позиция которых стала больше напоминать демонстративное выступление против самой науки и оправдание религии [7, с.127]. Причины такой точки зрения П.К. Фейерабенда, в том, *«что в реальной – а не в выдуманной методологами науке свирепствует догматизм и нетерпимость. Фундаментальные идеи и законы ревностно охраняются. Отбрасывается всё, что расхо-*

¹ Дескриптивность (с лат. описание) – изображение с помощью языка содержания переживания, в соответствии с которым имеет место распространение дескриптивного (описательного) метода в философской науке.

дится с принятыми теориями. Авторитет крупных ученых давит на их последователей с той же слепой и безжалостной силой, что и авторитет создателей и жрецов мифа на верующих. ... Но в чем же тогда преимущество науки перед мифом, – спрашивает Фейерабенд, – почему мы должны уважать науку и презирать миф?» [7, с.125].

Однако, реальная деятельность современного человека нуждается в твердой опоре на истину и не может основываться на мифологии. В большинстве сфер прикладной деятельности человека ему нужна абсолютная уверенность в истинности (достоверности) используемого знания, которое в этом смысле логично рассматривать, как абсолютную истину. Очевидно, что в целенаправленной деятельности человека имеется множество таких её областей, которые требуют оперативного принятия решений и не допускают возможности совершения ошибок (например, управление самолетом, проведение хирургической операции, управление сложным необратимым технологическим процессом или транспортными средствами, управление войсками в бою и т.д.). Для этого необходимо точное и достоверное понимание объективной реальности и гарантия строгой повторяемости причинно-следственных связей, влияющих на достижение результатов принимаемых решений в любых условиях. Но точно так же не допускают возможности появления ошибок и такие виды деятельности, как долгосрочное стратегическое планирование, прогнозирование экологических последствий принимаемых решений, подготовка и заключение международных соглашений, техническое проектирование гражданских или промышленных сооружений. По большому счету, вся экономическая, техническая или хозяйственная деятельность человека нуждаются в объективном понимании ситуации и недопущении возможных ошибок, которые обусловлены недооценкой или непониманием естественных закономерностей, либо несоответствием принимаемых решений этим закономерностям.

Однако, современной философии свойственна особая специфика, наглядную характеристику которой дал А.Л. Никифоров, характеризуя понятие истины в философии науки XX века [7, с.220–228].

Казалось бы, что в связи с бурным развитием научно-технического прогресса следовало ожидать усиления интереса к понятию истины, и обсуждение этого понятия должно было бы занять в философской литературе если не самое главное, то одно из ведущих мест. Тем не менее, по справедливой оценке А.Л. Никифорова, «... довольно легко убедиться в том, что это далеко не так, более того, понятие истины практически не встречается в философско-методологической литературе последних десятилетий» [7, с.220]. Но что же случилось за то время, в течение которого произошла утрата интереса к ключевому для философии понятию истины/абсолютной истины?

Одна из основных причин заключается в появлении и развитии логико-семантических средств анализа языка науки, а главное, в интенсивном использовании логико-семантического аппарата, приведшего к тому, что «проблему истины стали рассматривать в отношении отдельных элементов знания – предложений и теорий» [7, с.221].

В результате подмены исследования объективной реальности исследованием философского аппарата для исследования объективной реальности (т.е. предложений и теорий), но уже воспринимаемого, как сама объективная реальность (вдумайтесь в смысл фразы!), выяснилось, что даже те языковые (семантические) формулировки, смысл которых прежде не вызывал никаких сомнений, при новой трактовке оказались совсем не очевидными и в чем-то даже сомнительными. В итоге дискуссионного развития указанной ситуации оказалось, что *«... как подтверждаемость не может служить обоснованием истины, так и опровергаемость ещё не обосновывает ложности. Но если ни истина, ни даже ложность наших теорий не могут быть установлены, то понятие истины оказывается для методологии науки совершенно излишним и может быть устранено из методологических построений»* [7, с.224, 225]. Как отмечает А.Л. Никифоров, дошло до того, что «в соответствии с духом времени некоторые отечественные философы ставят вопрос об отказе от понятия истины, считая это понятие признаком мифологического мышления» [2], а такие, как А.П. Фейера-

бенд, «прямо объявляет истину зловредным монстром, который должен быть изгнан из науки и философии подобно всем другим чудовищам, которыми разум пытался ограничить человеческую свободу» [7, с.225].

Наше мнение – в отрыве от прикладного назначения философии² и попытке ещё больше формализовать уже единожды формализованное, апологеты указанной точки зрения запутали сами себя.

Самое главное, что в данном контексте никаких существенных изменений, которые могли бы реально поколебать материальные устои философии, за время изменения её взглядов в мире не случилось! Объективная реальность была и остается прежней, что и тысячи лет назад, а появление теории относительности или квантовой механики ничуть не опровергло законов классической физики или механики в том приложении, с которым сталкивается человек в большинстве направлений своей практической деятельности. Если за критерий истинности принимать практику, то никаких оснований для изменения философских взглядов на истину нет и быть не могло.

Но что же тогда приводят философы в обоснование появления сомнений в своих же первоначальных взглядах? Согласно аргументированного мнения А.Л. Никифорова, одной из причин явилась интенсивная разработка логико-семантического аппарата в трудах Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Тарского и др., а именно: «Построение семантических теорий, анализ парадоксов теории множеств, точное описание структуры гипотетико-дедуктивной теории, растущий интерес к анализу языка науки и т.п., - всё это постепенно привело к тому, что обсуждение истинности человеческого знания стало приобретать более конкретный³ характер: опираясь на логико-семантический анализ языка науки,⁴

² С точки зрения автора, по настоящему объективной может быть только прикладная наука (работающая, например, на конкретные нужды реального сектора экономики), поскольку она обеспечивает подтверждение теории практикой.

³ С практической точки зрения, т.е. точки зрения прикладного применения философии, правильнее было бы сказать о намного более неконкретном характере (примечание автора).

⁴ Обратим внимание на подмену анализа реальных естественнонаучных задач «анализом языка науки». Возникает закономерный вопрос: а почему вообще потребовалось анализировать некий загадочный язык науки, вместо того, чтобы его просто использовать для описания объективной реальности, как нормальный человеческий язык?

проблему истины стали рассматривать в отношении отдельных элементов знания – предложений и теорий» [7, с.221].

Хотя если смотреть на ситуацию со стороны (извне философской науки), это означает полный отрыв от реальности. Фактически это ссылка на изыскания в хотя и близких к философии, но совсем других (!) крайне специфических науках: логике или семантике, которые не дали для этого никакого повода. Ведь данные изыскания ни на йоту не повысили научную функциональность общепринятого языка общения, на котором ведутся реальные доказательства, а рассматриваемые ими семантические конструкции являются лишь очень примитивными моделями части реального языка общения. Но этим, зачастую искусственным моделям, пытаются присвоить статус выше, чем у исходного «материнского» языка! Ставя под сомнение определения, полученные в наиболее совершенном естественном языке (особенно русском), критика которого не является объективной, ибо ещё более совершенного языка, чем естественный, современная философская наука пока что не предложила.

Из большого многообразия видения истины современными философами, следует как наиболее цитируемую, выделить работу А. Тарского «Семантическая концепция истины и основания семантики», опубликованную в 1944 году [17]. В этой работе учтены в интегрированной форме и результаты его предшествующих работ, общие выводы из которых можно (при желании) рассматривать, как утверждение о невозможности существования универсального критерия истины. Основная мотивировка данного утверждения заключается в невозможности корректно представить описание истины языком того же уровня, которым описаны свойства объекта исследования. Особая значимость работ Тарского для рассматриваемой проблематики заключается в том, что это одна из весьма немногочисленных попыток доказать непостижимость абсолютной истины рациональным путем и поэтому активно используемая другими филосо-

Если же он настолько несовершенен, что пока ещё сам нуждается в исследованиях, то его просто нельзя допускать к применению в науке!

фами как базис для обоснования своих точек зрения соответствующей направленности. Следовательно, доказав некорректность данного изыскания А. Тарского или его трактовок, можно отстоять, либо опровергнуть и тезис об определении абсолютной истины.

Следует сразу отметить, что, несмотря на строгую логичность, очевидность и последовательность рассуждений, данная работа А. Тарского трудна для понимания как «чистого» философа, так и специалистов в большинстве смежных областей прикладной деятельности, включая промышленную электронику и «классическую» вычислительную технику. Это обусловлено её очень специфической направленностью. С точки зрения автора проводимого здесь анализа, имеющего некоторый опыт работы со средствами вычислительной техники,⁵ причина в том, что смысл данной работы А. Тарского с функциональной точки зрения (если исходить из её реально воплощенного результата), заключается не столько в философии, сколько в обосновании семантики гипотетического логического языка, практической реализацией которого видится только язык логического программирования. Ближе всего духу и букве изложенной концепции соответствует её инкарнация, реализованная в различных версиях языков логического программирования высокого уровня, наиболее известным из которых является «Пролог». И поэтому едва ли не единственный, кто в состоянии без серьезной предварительной подготовки и дополнительных комментариев вникнуть в смысл статьи А. Тарского, оценить её содержание и сделать надлежащие выводы – это программист, активно работающий на Прологе.

Отметим, что практическая реализация этого языка программирования обладает немалыми достоинствами для пользователя, в числе которых лаконичность (в несколько раз меньшая потребность в объеме текста программ, чем у алгоритмических языков) и практическое отсутствие потребности во всестороннем тестировании разработанных прикладных программ (выявление большин-

⁵ Имеется в виду автор данной статьи – Осипов В.В.

ства ошибок осуществляется ещё на стадии компиляции встроенными средствами языка).⁶ И огромная заслуга Альфреда Тарского в том, что он ещё в 1944 году (задолго до развития соответствующей вычислительной техники, и за 30 лет до появления первой рабочей версии данного языка)⁷ предвосхитил самый прогрессивный стиль программирования.⁸

К сожалению, программистов, в совершенстве владеющих средствами данного языка, в России и сейчас очень и очень немного. И это несмотря на его общедоступность для инсталляции. То же касается и литературы по языку: в книжных магазинах она практически отсутствует – не востребована. Ни один из известных автору программистов, имея доступ к этому программному продукту, не перешел от алгоритмических языков к Прологу. Причина очевидна – этот, наверное, самый простой (в предлагаемом пользователю виде), по своей сути, язык, очень сложен для освоения. Особенно теми, кто уже имеет хоть небольшой опыт алгоритмического программирования. Но главная причина затруднений заключается не в самом языке, а в господствующей системе образования: приобретенное алгоритмическое мышление не позволяет перестроиться. Всё наше образование и образ мышления – по сути, не логические, а алгоритмические. Поэтому человеческой натуре интуитивно близки директивные языки программирования (алгоритмические), а не декларативные (логического программирования).

⁶ Для сравнения, известно, что при хорошем стиле программирования на алгоритмических языках, до 90% общего объема работ уходит на тестирование написанных программ. Не случайно фирма Microsoft практикует бесплатную рассылку активным пользователям новых операционных систем для их тестирования, задолго до начала продаж окончательно отлаженной версии.

⁷ Первоначальный вариант языка Пролог был разработан в Марсельском университете в 1972 году под руководством Алэна Кальмерора.

⁸ Особенностью логического программирования по сравнению с наиболее распространенным алгоритмическим, является описание того, *что* необходимо вычислить, а не *как* это сделать. Это позволяет программисту сконцентрироваться на описании структуры прикладной задачи, не отвлекаясь на выработку пошаговых указаний компьютеру, как ему это делать. С точки зрения функционально-целевого подхода, это позволяет устранить логическое противоречие между стремлением программиста одновременно решать две совершенно различные цели, сведя их только к одной. А значит, позволяет обеспечить потенциальную возможность решения, как элемента абсолютной истины (если считать, что она маленькая и конкретная) за счет предельной конкретизации задачи.

ния). Базовые элементы широко востребованных нами языков программирования называются командами и являются таковыми по существу. Человек больше привык командовать - приспособлять окружающую среду к себе, чем мыслить и приспособляться самому. Это, наверное, его главное отличие от других форм жизни, хорошо интегрированных в природную среду. В естественной биосфере человек выглядит, как очень неестественное образование. И в этом главный фактор риска для человеческой цивилизации в целом.

Та же самая особенность (алгоритмическое мышление) характерна и по отношению к большинству современных ученых (только в гораздо большей степени, ввиду их высокой «алгоритмической/командной» образованности), являясь, по нашему мнению, главной трудностью в понимании и адекватной интерпретации работ того же А. Тарского. А в общенаучном аспекте «командная» направленность мышления является реальной причиной и многих научных заблуждений. Прежде всего потому, что «командный» стиль научной деятельности (слово «мышление» здесь не подходит), вносит заведомую предопределенность в результат исследования (образно говоря, в имеющихся фактах ученый подсознательно начинает видеть именно то, что хочет увидеть).

Столь пристальное внимание вкладу А. Тарского мы уделяем потому, что многие философы используют его как основной (и едва ли не единственный из тех, что основаны на рациональности) базис для построения выводов о невозможности определить строгие критерии истины. Хотя, по нашему мнению, из содержания его работы это вовсе не следует. Из сущности работы А. Тарского можно сделать только два бесспорных вывода.

Во-первых, что главный смысл и научный вклад данной работы заключаются в теоретическом обосновании и разработке семантики языка логического программирования (в частности, исчисления предикатов).

Во-вторых, что по части спора о существовании отображения истины гораздо более логичным будет рассматривать не сам данный первоисточник, а ту трактовку, и те выводы, которые даются результатам работ А. Тарского другими философами. Поскольку основную аргументацию по части философского вопроса

истины содержат именно они, а работа А. Тарского большинством из них используется, скорее, как удобный предлог для выражения собственной точки зрения.

Вполне репрезентативная оценка ситуации в этой части приведена известным современным философом Яакко Хинтикка.⁹ По одному из свидетельств Яакко Хинтикка, *«реальные причины, по которым А. Тарский возражал против определения истины в разговорном языке, фактически основаны больше на открытости и неправильности естественных языков, чем на его собственной теореме»* [19, с.54]. Это следует понимать, как указание на недостаточную формализацию логических высказываний в естественных языках, препятствующую строгой формализации естественных языков, необходимой для их использования в технических системах искусственного интеллекта (данный аспект мы подробно рассмотрим). Кроме того, как указание на неизбежность изменения естественного языка по мере его эволюции.

Однако, во-первых, вряд ли можно некритично принимать утверждения о неправильности естественных языков, без учета историко-языковых аспектов формирования научных представлений А. Тарского. Во-вторых, даже если эти утверждения соответствуют истине для тех естественных языков, которые использовал А. Тарский, их нельзя автоматически распространять на все остальные языки, например, на столь уникальный язык, как русский. А даже одно такое исключение уже не позволяет считать мнение о невозможности определения истины в разговорном языке бесспорно достоверным.

Что в этом контексте представляет из себя Альфред Тарский как личность? По происхождению он польский еврей, стремившийся к максимальной ассимиляции в среду национальной польской интеллигенции, о чем свидетельствует даже изменение им своей первоначальной фамилии. Логичнее всего его считать поляком. Родился в 1901 году в Польше (Варшава), жил и обучался в польской

⁹ Яакко Хинтикка – профессор Бостонского (США) и Хельсинского (Финляндия) университетов, вице-президент Международной федерации философских обществ.

школе, в польском университете и на польском языке. Ассистировал в университете, защищал диссертацию и первоначально преподавал на польском языке. Несмотря на формальную степень доктора философии, основной вклад имеет в области математики [18]. В науке больше известен как логик и математик.

Свои работы по семантике поляк Альфред Тарский первоначально замыслил, разрабатывал и описывал, размышляя на польском языке, применительно к семантике польского языка и, соответственно, по-польски. Однако, наиболее известные первые (основополагающие) результаты работ опубликованы в переводе на немецкий, затем с немецкого их перевели на английский и основное научное обсуждение происходило именно на этом, относительно простом языке. Все использованные им языки имеют между собой концептуальные и структурные различия, разные правила правописания (а также разные исключения из этих правил), и, следовательно, прямой перевод между ними невозможен. То, что принято на бытовом уровне называть переводом, на самом деле (с функциональной точки зрения) является интерпретацией. Которая с научной точки зрения (тем более для научных понятий о языке), пожалуй, посложнее, чем сама обсуждаемая философская проблема.

Следовательно, тонкости изначальной семантики ранних работ А. Тарского можно считать безвозвратно утраченными. К тому же, лишь перевод с английского (ещё один перевод!) стал намного позднее доступен для русскоязычного исследователя. Закономерный вопрос: можно ли на результатах многократной интерпретации такой работы о семантике делать какие-либо выводы применительно, например, к семантике русского языка, если для русского языка она изначально не разрабатывалась, а исходная семантика утрачена в процессе многократной интерпретации от одного языка к другому, а значит, и от одной семантики к другой? Ведь польско-немецко-английская интерпретации семантики для выводов применительно к семантике русскоязычной, соответственно, неприменимы! Резюме очевидное: по крайней мере, к российскому сегменту философской науки сомнения в определмости истины, основанные на результатах иноязычной работы А. Тарского, не могут быть применены.

Но есть и ещё один аспект, который основан на доводах самих же адептов неопределённости истины без наличия метаязыка. Ведь в вопросе неискаженной интерпретации одного языка в другом без внешнего метаязыка уж точно не обойтись. Если верить тому, что даже корректное определение какой-либо формулировки в одном языке «может быть дано для формального языка лишь в более сильном метаязыке» [19, с.54], то что уж говорить о гораздо более сложном определении другого языка в целом! А поскольку нет такого метаязыка, который бы включал в себя в качестве подмножества одновременно польский, немецкий, английский и русский языки, то нет и инструментария для подобной интерпретации.

Однако, даже самые гениальные находки в области русскоязычной семантики нельзя распространять на русский же сегмент науки под названием философия, поскольку это совсем другая наука и совсем другой масштаб решаемых задач. Ведь понятие об истине, на которое (предположительно) рассматриваемая «философская» трактовка работ А. Тарского посягает, является ключевым не только для языка, но и для философии в целом. Иначе, какой был бы смысл изначально дискутировать о нем в философии?

Да и сама трактовка итогов работ А. Тарского другими учеными, если смотреть с целевой точки зрения: по наиболее значимым результатам его работ – с одной стороны, и итоговым выводам философов – с другой, очень даже неочевидна. На самом деле, какая может быть связь между особенностями исчисления предикатов и невозможностью определения истины?

Конечно, работы А. Тарского, так же, как труды Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и др., оказали серьезное влияние на развитие логико-семантических моделей разговорного языка, позднее нашедших реальное применение при создании языков программирования. Но все языки программирования являются значительно формализованными и упрощенными версиями того естественного языка, средствами которого они написаны. В связи с этим (но строго в данном контексте) можно на время дискуссии согласиться с мнением, что главное зна-

чение работы А. Тарского применительно к философии заключается в демонстрации того, что определение истины (с некоторыми допущениями) «может быть дано для формального языка лишь в более сильном метаязыке» [19, с.54].

Однако интерпретация этого вывода со стороны ряда ученых философского направления, видимо, не осознающих простую истину, что формальный язык есть сильно усеченная версия языка естественного, придала ему прямо противоположный смысл. Эта интерпретация имеет следующую аргументацию: *«Но вне нашего используемого языка нет более сильного языка. Поэтому в плане того, что действительно имеет философское значение, определения истины невозможны»* [19, с.54].

С этим утверждением категорически нельзя согласиться, поскольку речь идет о сопоставлении формальной версии языка (создаваемой под конкретный класс узкоспециальных задач) и всего языка в целом. Ведь русский язык, как и ряд других естественных языков общения, имеет избыточную функциональность не только по отношению к формализованным языкам программирования, но даже и по отношению к большинству художественно описываемых литературных ситуаций, а значит, является более сильным языком. О силе этого языка, в отличие от формальных языков, свидетельствует хотя бы невозможность его реализации теми же техническими средствами, что и формальные языки. Фактически, чтобы использовать все его возможности для формально-логической (машинной) обработки, ещё только предстоит создать программную модель русского языка. Пока что эта задача весьма далека от разрешения. Т.е. проблема не в том, что естественный язык плох, а в том, что до понимания всей глубины его истинной функциональной сущности официальная философская наука, возможно, ещё не скоро дорастет.

По нашему мнению, и в этом нетрудно убедиться на реальных примерах, в подавляющем большинстве случаев (для научных или технических целей) объективная реальность может быть полноценно отображена даже существенно меньшим числом возможностей, чем обладает русский язык в целом.

Значит, для этих случаев по своей функциональности он де-факто и является наиболее сильным метаязыком. Более того, с функциональной точки зрения русский язык вполне может являться даже собственным метаязыком, т.е. использоваться для описания самого себя.¹⁰ Для доказательства данного тезиса достаточно ознакомиться с школьным учебником русского языка, а если этого покажется мало – то и с серьезными научными исследованиями в области языкознания. В качестве критерия истинности данного тезиса можно признать тот непреложный факт, что даже очень щепетильные к тонким нюансам языка литературоведы не жалуются на какие-либо ограничения функциональности русского языка, требующие перехода к языку более высокого уровня. Поскольку пока что не выявлено ограничений в описательных возможностях литературного и разговорного русского языка, значит, этим потенциальным «метаязыком» может быть выражено всё, что существует. Соответственно, и определение истины тоже. Но ведь с функциональной точки зрения этот язык является одновременно и метаязыком, и языком естественного общения! Значит, исходя из тождественности этих двух языков, логично приписать естественному языку те же свойства, что и у соответствующего метаязыка, которому в плане возможностей объективного выражения истины претензий нет.

Сходного мнения придерживается и Я. Хинтика, утверждая, что: «Мы можем говорить в нашем собственном языке об истине и других концептуальных предметах. И то, о чем мы можем говорить, мы должны обсуждать логически, научно и исторически» [19, с.58]. А *«результаты Тарского и Геделя просто не имеют тех негативных философских следствий, которые им первоначально приписывали и которые у них обычно подразумевают. Тем самым тезис о невыразимости вполне можно отвергнуть, и в любом случае философские методологии, которые на нем базируются, теряют свое разумное основание»* [19, с.57].

¹⁰ В этом заложена замечательная возможность саморазвития русского языка, которую можно трактовать, как его открытость. Однако, с точки зрения «формализованного» подхода это же может рассматриваться как его недостаток, мешающий постоянству и неизменности, являющимися условиями жесткой обусловленности структуры языка.

Поэтому в контексте тезиса «о необходимости более сильного метаязыка для определения истины» [19, с.54], задачу отечественного сегмента философии достаточно просто вернуть с головы на ноги – озаботиться выделением более простого и менее универсального подмножества русского языка, способного формализовано описывать конкретные типы задач (в зависимости от потребности). Такая задача содержит в себе и практическую пользу – может явиться основой создания чисто отечественного языка программирования, реализующего семантические достоинства и особенности русского языка.

Не следует забывать, что с функциональной точки зрения критерием истины является только практика. И понимание этого факта высвечивает явную нелогичность утверждения, что *определение истины «может быть дано для формального языка лишь в более сильном метаязыке»* [19, с.54] *хотя «... вне нашего используемого языка нет более сильного языка...»* [19, с.54]. Напрашивается ехидный вопрос: где основания утверждать о могуществе метаязыка, которого нет? Как противники определимости истины смогли исследовать несуществующий метаязык, чтобы уверено заявлять о его поистине волшебных свойствах?

Обсуждение именно русского языка в контексте утверждений о несовершенстве естественных языков выбрано не случайно. Ведь с точки зрения пригодности для формализованного представления, русский язык по сравнению с общепринятым языком науки – английским, можно считать намного более несовершенным. Русский язык является гораздо более сложным для изучения, и на первый взгляд, весьма нелогичным языком.¹¹ Например, в русском языке имеется то, чего нет в том же английском языке – склонение по шести падежам, которое изменяет окончания слов и этим существенно затрудняет формализованное изучение и понимание логической структуры языка.

¹¹ По сравнительной оценке сайта «ИнъязСервис», степень сложности русского языка (по 5-балльной шкале) составляет 4 балла, степень сложности английского языка – 2 балла. См. <http://inyazservice.narod.ru/> [15].

Поэтому обсуждение этого языка показательно тем, что, решив проблему для русского языка, мы автоматически сможем распространить выводы на такие более простые и более формализованные естественные языки, как английский.

По мнению автора, с функциональной точки зрения важнейшим свойством русского языка является его очень развитая встроенная директивность. Это то свойство, которое отражает многообразие направления действия причинно-следственных связей в той реальности, которая отображается в предложении.¹²

При этом важным преимуществом русского языка по сравнению с рядом других языков является сохранение исходной директивности при изменении порядка слов в предложении. Например:

*я тебя люблю; люблю я тебя; тебя я люблю.*¹³

Как видим, ни функциональность (смысл) этого повествования или сообщения, ни его директивность от перестановки слов местами не меняются. Речь идет об отношении одного элемента к другому, а не наоборот (инициирующим – задающим элементом причинно-следственной связи является «Я»). В любом случае, в каком бы порядке не располагались отдельные элементы в линейной системе координат, причинно-следственная информативность сообщения не меняется.

Для изменения директивности вышеописанная словарная конструкция должна претерпеть очень значительные изменения, и выражение радикально изменится, приняв следующий вид:

Ты любишь меня; любишь меня ты; меня любишь ты.

¹² С функциональной точки зрения предложение логично рассматривать, как единичное законченное сообщение, указывающее на актуальные для рассмотрения элементы объективной реальности и функциональную (причинно-следственную) связь между ними.

¹³ В данном случае возможно только 3 варианта изменения порядка слов в предложении. Это объясняется тем, что при последовательной передаче информации в линейном канале связи можно применять лишь одномерную (линейную систему координат) с изменением очередности слов. Причина этого в главенствующем способе передачи информации между индивидуумами – это звуковые сообщения (последовательный набор звуков). Передача языковых сообщений в этом случае является полным аналогом передачи сообщений последовательным интерфейсом компьютера или модемом по двухпроводной линии связи.

Обратим внимание на тот факт, что изменение направления причинно-следственных связей на обратное (по сравнению с первым вариантом) привело к радикальному изменению формального состава символического кода информационного сообщения¹⁴ (т.е. состава используемых букв и их последовательности) – см. Таблицу 1.

Таблица 1

Побуквенное сравнение двух сообщений с противоположной директивностью (направлением причинно-следственных связей)

Порядковый номер символа в сообщении	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1
Исходная директивность	Я	_	Л	Ю	Б	Л	Ю	_	Т	Е	Б	Я	_	_	Я
Обратная директивность	Т	Ы	_	Л	Ю	Б	И	Ш	Ь	_	М	Е	Н	Я	Т
Совпадение/ несовпадение (Y/No)	No	No	No	No	No	No	No	No	No	No	No	No	No	No	No

Из приведенного в таблице попарного сравнения букв видно, что у двух сообщений, информационное различие между которыми заключается лишь в одном бите информации (характеризующем направление директивности) не совпадает ни одна буква сообщения! Естественно, что это очень сильно усложняет формализацию такого сообщения, ведь в искусственном языке ту же информацию можно выразить простой переменной мест элементов «Я» и «Ты», например: «Я люблю Ты», «Ты люблю Я». Это бы радикально упростило семантику языка и технические средства для его реализации. Исходя из данной аргументации, в рамках редакции существующего естественного языка, радикальное изменение кода этого же сообщения при инверсии его смысла может расцениваться, как вопиющее несовершенство языка.

Именно так и выглядит описанная ситуация с точки зрения человека, не знакомого с основами кодирования информации и обеспечения помехозащищенности сообщений в каналах связи.

¹⁴ Формальное сравнение первого и второго можно произвести побуквенным сравнением одного из сообщений исходной директивности и соответствующего ему в противоположной директивности (с точки зрения простейшего технического устройства передачи и приема информации).

Но с точки зрения такого специалиста по информатике, оценка диаметрально противоположная - она вызывает неподдельное восхищение. Ведь изменился лишь один бит информации, а в новом сообщении – ни одного совпадения с прежним! Это обеспечивает высочайшую помехозащищенность в канале передачи информации и полную невозможность спутать суть первого сообщения со вторым (хотя реальная разница между ними, повторим, лишь в одном бите информации).

Такое невозможно объяснить простым совпадением, возникает даже крамольная мысль, что язык является продуктом очень высокоразвитой цивилизации, владевшей совершенными математическими методами кодирования информационных сообщений. И прекрасно понимавшей важность точной идентификации и передачи целевой направленности, как главного пути решения большинства имеющихся проблем¹⁵ (нам это ещё только предстоит осознать). Имеются в русском языке и исключения, наличие которых с высоты уже рассмотренного, вряд ли можно назвать случайным. Ведь если бы язык формировался спонтанно, и в этих нюансах не было бы необходимости, он бы эволюционировал по пути упрощения и нивелирования исключений до унифицированного уровня по общему правилу. Очень заманчиво выяснить, не вытекают ли исключения логически из основного содержания языка именно с той целью, чтобы исключить ненужное совпадение или сходное произношение в построении каких-то элементов языка (вспомним про помехозащищенность сообщений). Мы уже упоминали о функциональной избыточности языка и именно ей обязана своим наличием данная ситуация.

Ещё раз отметим, что те же причины, которые иногда вызывают сомнения в естественном происхождении человека, не в меньшей степени заставляют сомневаться и в естественном происхождении его языка (по крайней мере, русского). Настолько он совершенен, универсален и многофункционален.

¹⁵ Для автора данной публикации, разрабатывающего применение функционально-целевого подхода в разных областях деятельности, совершенно очевидна высочайшая эффективность использования такого простого и эффективного средства решения многих проблем, как целевая направленность. Это будет детально отражено в последующих публикациях.

Но это огромное достоинство в функциональности языка является и настолько же огромным недостатком для целей его сильно упрощенного (формализованного) представления, особенно актуального для математиков в части простых задач. Многократная функциональная избыточность и универсальность русского языка также делает затруднительным его представление (пусть даже в рамках очень локальных задач) наиболее распространенными и доступными техническими средствами и приемами, имеющимися в распоряжении современного ученого. Тем более, что подавляющее большинство таких средств построено по достаточно примитивному алгоритмическому принципу (распространенные языки программирования: Бейсик, Фортран, Паскаль, Кобол, Си и др.) с соответствующей им семантикой. А семантику основной части русского языка правильнее было бы считать логической.¹⁶ То же можно сказать и о ряде других национальных языков. Поэтому вполне закономерен и конфликт между различными семантиками алгоритмического и логического языков при попытке их отображения друг в друге. Этот фактор также нельзя сбрасывать со счетов.

Следует ещё раз отметить, что русский язык слишком сложен для слишком простых задач. В этом же заключается и проблема в его восприятии некоторыми учеными-философами, стремящихся адаптировать столь сложный и совершенный инструмент для своих примитивных целей. По сути, то же самое отмечается и А. Тарским в качестве несовершенства естественных языков для использованных им естественных языков и анализируемых задач. Хотя эта же проблема характерна и для других достаточно развитых языков, в части их использования для простых задач. А решаемые логиками-семантиками задачи (из тех, на которые чаще всего ссылаются философы) именно такими и являются. По нашему мнению, здесь в полной мере актуален принцип, выдвинутый английским фило-

¹⁶ В реальности русский язык включает подмножество языка с соответствующей семантикой, позволяющее эффективно описывать любые алгоритмические задачи. Однако, в связи с историческими причинами (приоритет в использовании английского языка в наиболее распространенных алгоритмических языках программирования) это не является достаточно очевидным с первого взгляда.

софом XIV века Уильямом Оккамом (так наз. «Бритва Оккама»), заключающийся в том, что не следует умножать сущности без необходимости. Это означает, что решение не должно быть сложнее решаемой задачи, а также следует отдавать предпочтение более простым теориям перед более сложными, если и те, и другие подтверждаются практикой.

Вышесказанное очень наглядно проявляется в функционально-ориентированных языках программирования (или их версиях), предназначенных для решения строго ограниченного круга задач. За счет исключения ненужных, избыточных функций, свойственных универсальным языкам программирования, первые гораздо удобнее в использовании, требуют меньше системных ресурсов и обладают более высоким быстродействием (естественно, только для данных задач). Не случайно программисты предпочитают использовать семантически более простой английский язык.

Для программиста английский язык хорош, например, тем, что подлежащее и сказуемое в предложении располагаются в строго установленном порядке (подлежащее впереди сказуемого), что упрощает семантическую и смысловую формализацию. Даже японский язык, воспринимаемый в России как очень сложный, в этом смысле представляется более простым и логичным: подлежащее на первом месте в предложении, сказуемое – на последнем. Но это же и сокращает функциональность данных языков, в частности, по сравнению с русским языком, в котором не только допустима, но и прямо предусмотрена без потери смысла сообщения возможность такого изменения не только мест подлежащего и сказуемого, но и других слов. Однако, прежде чем критиковать русский язык за «неправильность», важно постараться понять функциональное назначение данного механизма, т.е. цель, реализацию которой он обеспечивает. Не случайно русский язык является языком не только литературным, но и поэтическим. Возможность перемены мест отдельных элементов в предложении (т.е. базовом сообщении) обеспечивает прекрасные возможности для рифмовки, т.е. кодированной взаимоувязки смежных элементов в сообщении и целых сообщений. С функциональной точки зрения зарифмованное сообщение обеспечивает ассоциативную связь

слов в предложении (элементарном сообщении) и предложений (отдельных сообщений) между собой. Это также позволяет контролировать общее метасообщение (проверкой соответствия рифме) на правильность порядка следования элементов сообщения и отсутствие искажений в канале передачи информации. *То есть, с функциональной точки зрения рифма является системой кодирования длинных и очень длинных сообщений, обеспечивающей их лучшее запоминание и проверку на отсутствие искажений в канале передачи информации.* (При появлении ошибки это сразу же становится заметным из-за диссонанса между изначально рифмованными элементами сообщения.) Указанная особенность также позволяет восстановить забытый или частично утраченный элемент сообщения за счет интуитивного достраивания недостающего элемента. Это реализуется посредством ассоциативного и контекстного поиска нового элемента, соответствующего рифмованному окончанию того изначального элемента сообщения, который был утрачен. Чаще всего такой поиск осуществляется чуть ли не автоматически, так как задействует механизм интуиции. Хотя рифмирование и приводит к сложности первоначального формирования сообщения (фактически это можно назвать кодированием) исходного сообщения и его некоторой избыточности, но последнее очень актуально для неискаженного сохранения больших массивов информации, передаваемых устным путем (пример: сказания народного эпоса) при отсутствии материальных носителей. Сказанное крайне актуально для сохранения и развития культуры народа. То же можно сказать о том, что в русском языке для каждого слова можно подобрать несколько синонимов. С точки зрения формализации языка подобная избыточность – крупный недостаток. Но с точки зрения поэта-кодировщика (возможности найти функционально идентичное слово, но подходящее к рифме) – это огромное преимущество.

Однако, за указанное свойство русского языка, как и за все в нашей жизни, приходится платить дополнительной сложностью языковых конструкций. Этой платой является необходимость использования механизма склонения, которое в общем случае, может быть по родам, лицам, числам, падежам и наклонениям.

С функциональной точки зрения склонение может быть рассмотрено, как механизм, обеспечивающий смысловое согласование произвольно расположенных слов в предложении. Конечно же, с точки зрения формализации языка для технических нужд, склонение, изменяющее, как минимум, окончания слов, является недостатком. Но формальная точка зрения важна только узкоспециализированным ученым (и то далеко не всем), а всему остальному человечеству в реальной жизни нужны широкие функциональные возможности языка. Что важнее для цивилизации?

Кроме того, указанная особенность русского языка (возможность изменения порядка слов в предложении без утраты смысла) позволяет обеспечивать акцент на наиболее важном элементе сообщения, который в ряде других языков обеспечивается за счет постановки ударения или варьирования интонации. В русском языке это реализуется наиболее надежным, естественным и логичным путем – концентрацией внимания на отдельных элементах сообщения и их причинно-следственной связи за счет варьирования порядка следования слов в предложении.¹⁷ При этом первый по порядку следования элемент сообщения (слово) позиционируется как наиболее важный, следующий – как менее важный и т.д. в порядке убывания значимости. Как будет показано далее, такой порядок акцента (указания важности) имеет весьма серьезные достоинства и веское логическое обоснование. Сказанное можно проиллюстрировать на примерах (см. *Таблицу 2*).

Материалистический смысл такого позиционирования полностью аналогичен построению иерархических систем классификации, в которых верхняя по расположению (или соответственно прочитываемая / передаваемая раньше) часть определения символизирует принадлежность к более высокому рангу классификации, а более низкая (прочитываемая или передаваемая позднее) – соответственно, к более низкому рангу. При этом и объем информационной области

¹⁷ С формально-логической и функциональной точек зрения под предложением можно также подразумевать законченное информационное сообщение в отношении описания одной элементарной причинно-следственной связи. С целевой – как сообщение, ограниченное информацией в отношении реализации одной элементарной цели.

с более высоким рангом (уровнем) классификации значительно больше, чем у области с более низким рангом.

Поэтому передачу и прием такого ранжированного по значимости сообщения можно считать идеальным решением для распределения в реальном масштабе времени принимающей сообщением стороной потока поступающей информации в соответствующие ячейки хранилища информации или подсистемы обработки информации, куда он в итоге поступает.¹⁸

Таблица 2

Пример указания на наиболее важную цель сообщения
путем изменения порядка следования слов в предложении

<i>Варианты сообщения</i>	<i>Предложение (содержание сообщения)</i>	<i>Комментарий (какая основная цель преследуется в сообщении, что является наиболее важным в сообщении, т.е. о чем повествующий хочет сказать в первую очередь)</i>
1	Я люблю тебя	Обращается внимание на то, кто является инициатором причинно-следственной связи (источник сообщения указывает на себя, как на главное действующее лицо)
2	Люблю тебя я	Обращается внимание на то, что основной смысл сообщения заключается в демонстрации отношения источника сообщения к другому лицу (акцент сделан на характер взаимосвязи с другим лицом)
3	Тебя я люблю	Обращается внимание, на то, кому адресовано сообщение; на то, кто является главным объектом для проявления указанных в сообщении отношений

При таком построении предложения (информационного сообщения) сразу же по мере поступления информации, в реальном масштабе времени, обеспечивается её классификация по условному принципу: класс/ подкласс/ группа/ подгруппа и т.д. Сначала поступает информации о классе, а затем – по степени убывания значимости. Соответственно, первая поступающая в сообщении информация обладает большей значимостью, предназначена для большей части слушателей или относится к более общим характеристикам описываемого действия или явления.

¹⁸ Фактически этой «принимающей стороной», которой предназначено речевое информационное сообщение, является человек. Но реальное устройство его мозга и мышления не известно. Поэтому представим его в качестве некоего гипотетического функционального аналога, наиболее вероятного, исходя из простоты реализации.

Самое главное, что такой порядок передачи сообщения обеспечивает его отличное структурирование с точки зрения логической формализации языка, что свидетельствует о совершенстве естественного языка, а вовсе не наоборот! Так что необходимость и возможность перестановки порядка слов в предложении без утраты смысла имеют очень под собой очень веские основания. Она объективно обусловлена последовательностным характером языка общения, при котором элементы информационного сообщения передаются по одному каналу передачи информации последовательно во времени, а не параллельно (т.е. одновременно).¹⁹ Собственно говоря, другого механизма, позволяющего иерархически структурировать речевую информацию, которую мы не можем изобразить схематически на листе бумаги, представить очень трудно, если только вообще возможно.

Убедиться в логичности такого порядка нетрудно по принципу «от противного». Достаточно изменить порядок слов в достаточно сложном предложении на обратный и попытаться понять его смысл (зачитать слова предложения в обратном порядке).²⁰

Примечательно, что обратный порядок построения (когда информационный элемент меньшей значимости передается в сообщении первым) лишен логического смысла с точки зрения информатики. Если допустить, что поток передаваемого сообщения будет вначале переключен на классификацию по его наименее значимому элементу, то в той гипотетической системе приема и анализа сообщений, которую наиболее логично предложить, он не пройдет все предыдущие стадии классификации. Это дезориентирует фактор внимания принимающего сообщение и переключит его на второстепенные элементы сообщения. В принимаю-

¹⁹ Примером параллельной передачи информации является, например, передача информации в виде нанесенного на бумаге изображения. В этом случае вся представленная в изображении информация воспринимается сразу и одновременно.

²⁰ Для большей убедительности инвертируемое предложение должно быть достаточно сложным и содержать дополнительные слова, помимо подлежащего и сказуемого: например, это может быть любое предложение из данной статьи. Простой пример «Я тебя люблю» будет не вполне показательным, так как изменится только его целевое акцентирование.

щей такое сообщение гипотетической технической системе, построенной наиболее рациональным и логичным образом, это сделает невозможным последующий поиск и систематизированную обработку сообщения. Дело в том, что первоначальное переключение информационного потока сразу на самый низкий уровень классификации делает невозможным последующее переключение информационного потока в обратном направлении – к верхним уровням классификации. Т.е. произойдет несоответствие алгоритма и структуры передаваемого сообщения иерархической структуре приема и классификации принимаемых сообщений. И информационный поток либо попросту заткнется, либо ряд элементов сообщения окажутся потерянными из-за того, что окажутся неклассифицированными или попавшими в соподчиненный разделы классификации вместо основных.

Кроме того, временной характер действия причинно-следственных связей (свойство директивности) предполагает, что причина может быть только первой и реализоваться раньше во времени по сравнению со следствием. Если менее важный элемент сообщения, рассматриваемого как указание цели, поставить (а значит, и реализовать) раньше более важного, то по мере развития управляемого процесса (а благодаря свойству времени он идет лишь в одном направлении) произойдет переподчинение более важных элементов менее важным. Поэтому потенциально заложенная в русском языке приоритетность следования слов в предложении по степени их целевой значимости является единственно корректной и логически обоснованной.²¹ Т.е., из этого следует ещё и такое достоинство русского языка, как заложенная в нем возможность отображения целевой направленности!

Таким образом, то, что могло быть воспринято как «неправильность» языка применительно к узко меркантильным задачам ученого – семантика или философия, на самом деле является не понятым им или ненужным ему инструментом для реализации намного более важных целей в реальном назначении языка, как

²¹ Сказанное не означает, что такая возможность обязательно реализуется. Она является потенциальной, а использование данного потенциала зависит от умения эффективно использовать имеющиеся средства языка.

рабочего инструмента для коммуникаций. (Не следует забывать о том, что главной задачей естественного языка общения является коммуникативная функция: обеспечение неискаженного взаимного обмена информацией между субъектами – источником и приемником информации. Именно для выполнения этой функции язык и оптимизирован в первую очередь).

Понятно, что указанная функция, не нужная для дескриптивных (описательных) задач ученого-философа, последнему только мешает. Здесь с очевидностью демонстрируется сущность целевого подхода: оценка любого явления, свойства, предмета и т.д. зависит от цели, с которой его предполагается использовать. Для узкоспециальных целей ученого-философа полноценная реализация коммуникативной функции языка не нужна, поэтому вполне логично воспринимается, как досадная помеха и несовершенство языка. Тем более, что она существенно усложняет семантику языка.

Таким образом, вышеупомянутая «неправильность» языка проявляется не в объективной сущности естественного языка общения, а в ограниченности мышления тех философов, которые не очень утруждают себя полноценным анализом устройства естественного языка с функциональной точки зрения, ограничиваясь лишь собственными целевыми установками.

В данном вопросе отчетливо отражается целевой подход, как уже упомянутая нами «командная» особенность человеческого мышления: человеку свойственно рассматривать объективную реальность с точки зрения подчинения своим собственным целям, не очень-то заботясь о том, насколько это нужно другим или обществу в целом. Как мы уже отметили, это стремление не приспособливаться к существующей реальности, а, напротив, приспособливать её к собственным целевым установкам. Именно поэтому, вместо того, чтобы принять существующий язык таким, как есть и адаптироваться к его особенностям, уже упомянутые исследователи фактически потребовали его ревизии путем создания нового языка. С чем, конечно же, нельзя согласиться с институциональной точки зрения, ибо ученым непозволительно вместо изучения объективной реальности перестраивать эту реальность под свои научные потребности и гипотезы.

К сказанному следует добавить, что и первоначальные доводы А. Тарского, трактуемые, как «неправильность» естественных языков, в конечном итоге были подвергнуты существенной ревизии самими же философами в ходе последующих дискуссий по данному вопросу. Как отмечает Я. Хинтиikka, «... *мнимая неправильность была с тех пор в значительной степени опровергнута такими лингвистами и логиками, как Хомский или любимый ученик самого Тарского Ричард Монтегю*» [19, с.54].

Поэтому можно считать окончательно доказанным, что невозможность определения истины по причине отсутствия более сильного метаязыка, чем естественный язык общения (в частности, русский), не имеет под собой реальных оснований.

Что же касается принципиальной стороны отношений философии и естественного языка общения, то из вышерассмотренных примеров видно, насколько функциональность естественного языка превосходит востребованную в экспериментах с семантикой, пусть даже очень уважаемых ученых. Но разве эти эксперименты дают основания отказываться от реального знания, полученного и зафиксированного в гораздо более совершенном исходном языке? И только лишь по причине того, что известное знание не может быть адекватно выражено в более примитивных по сравнению с ним и явно надуманных искусственных семантических конструкциях? Да и зачем вообще пытаться втиснуть сложное и совершенное тело естественного языка в прокрустово ложе простейших и искусственных семантических построений? Пока что убедительных аргументов в пользу данного действия не приведено.

Поэтому нет никакого резона отрешиваться от многовекового практического опыта человечества из-за того, что он не соответствует чьей-то новоиспеченной теории в представлении языка. Тем более, что в основе обсуждаемой проблемы лежит не столько сама теория, сколько трактовка учеными, не являющимися её непосредственными авторами. И в недопустимости такой трактовки

также следует учитывать основные свойства целевого подхода,²² а также свойство директивности причинно-следственных связей [14, с.167-181]. Указанные свойства расценивают такой подход (заимствование аргументации в отношении чужих целей применительно к своим) как недопустимый.

По нашему мнению, в появлении указанных сомнений имеется вклад и исторических причин, свойственных диалектике развития науки и её несовершенству на определенном этапе развития. При анализе ситуации с современных позиций, многое становится хорошо понятным. Для ученого, вооруженного функционально-целевым подходом и принципом директивности причинно-следственных связей, становится очевидным, что причина возникших сомнений не в строении существующего языка или знания, а в несовершенстве методологического аппарата философии того времени и тех условий, когда и при которых возникли сомнения в уже накопленном знании. Аппарата, позволившего отойти от общественно-полезных целевых установок философской науки.

Однако, функционально-целевой подход ещё находится на стадии своего развития и является в значительной степени интуитивным. А принцип директивности причинно-следственных связей, позволяющий уйти от этих ошибок, был сформулирован и введен в научный оборот лишь совсем недавно, и ещё не успел получить необходимую известность [14, с.167–181]. Поэтому с высоты современного положения, предоставляющего существенное преимущество автору этих строк, вполне объяснимы ошибки тех исследователей, которые в силу чисто исторических причин не имели возможности ознакомиться с современным методическим аппаратом и применить его при выдвижении собственных теорий.

Ведь при соблюдении принципа директивности причинно-следственных связей становится совершенно очевидным, что отказываться надо от этих несовершенных теорий, а не от полученного и неоднократно апробированного на практике знания.

²² Основные 12 свойств целевого подхода, повышающих объективность такой трактовки, попутно с решением основной задачи описаны в [13, с.56]. Это пока что единственный общедоступный источник по данному вопросу.

Если же вернуться к более подробному анализу работ А. Тарского с точки зрения функционально-целевого подхода, то очень важно восстановить те исходные целевые установки, которые преследовал автор. Это позволит сравнить их с целями при последующей трактовке более современными философами и сделать соответствующие выводы. Из содержания широко известной (в узких кругах) работы А. Тарского «Понятие истины в формализованных языках» [16] видно, что истина рассматривалась в ней не как метафизическая сущность, а как свойство осмысленных предложений, которым они могут обладать или не обладать [7, с.222]. То есть, вопрос касался не самой первичной истины, как таковой, а корректности построения её формально-лексического отображения с точки зрения семантики языка. При этом первичным базисом для анализа являлась не объективная реальность, а сам язык, и исследовались формально-логические свойства собственно языка. С точки зрения функционально-целевого подхода, данная работа А. Тарского не может быть использована для обоснования сущности, возможности или невозможности постижения истины, тем более включая истину абсолютную. Причина – различие в тех целевых установках, которые преследовал Альфред Тарский и тех, которые связаны с выяснением материалистической сущности абсолютной истины. (Согласно одного из принципов функционально-целевого подхода, даже массив исходных данных или фактов, собранных для исследования с одной целью, не может быть использован для других целей. Причина - в потенциальной тенденциозности отбора исходных данных) [2, с.13]. Тем более нельзя использовать уже переработанные, например, каким-либо образом систематизированные данные. И уже совсем недопустимо распространять хотя бы промежуточные выводы на то же самое явление, но исследуемое с иной целью. По сложившемуся у нас после ознакомления с данной работой мнению, конечной прикладной целью исследователя в данной работе являлось использование языковых средств в интересах математики, а вовсе не уточнение дефиниции или критериев абсолютной истины с точки зрения интересов естествознания. А распространение результатов работы на проблему определимости абсолютной

истины явилось лишь следствием дескриптивного подхода других ученых к данному первоисточнику.

Поэтому суть данной работы и вытекающие из неё выводы многих последующих философов (особенно по части сомнений в абсолютности или определенности истины) мы можем с полным основанием оставить вне рассмотрения по отношению к проблематике истины или абсолютной истины. Ибо язык, как искусственно созданное человеком техническое средство, может и должен эволюционировать, а абсолютная истина в случае её постижения (в соответствии с легальным определением в редакции АН СССР²³) является окончательно и навсегда доказанной.

И в данном качестве нельзя проигнорировать поневоле напрашивающиеся совершенно очевидные логические доводы:

1. Вызывает сомнение практическая полезность дескриптивного подхода к рассматриваемому классу задач. Задумаемся, какое привнесенное научное знание может обеспечить, по сути дела, анализ или описание свойств описания, вместо анализа или описания самого характеризуемого предмета или явления? Это прямой путь к отсутствию функциональной информативности. В лучшем случае итогом такого анализа может стать достижение логической непротиворечивости в форме тавтологии типа: «масло – это продукт, обладающий всеми свойствами масла». Результат, совершенно бесполезный с практической точки зрения.

2. В эпоху тотального применения вычислительной техники уже хорошо известно, что любое, сколь угодно сложное логическое описание (по крайней мере, процесса) можно получить, используя лишь три базовые логические функции (*и*, *или*, *не*). Для каждой из которых имеется не только соответствующее

²³ Абсолютная истина – такое знание, которое объективно, точно, окончательно, полностью, исчерпывающе отображает какую-то сторону, аспект предмета, явления, процесса, которое при всех условиях сохраняет свое значение и потому при дальнейшем развитии науки и практики не может быть опровергнуто. (См. Кондаков, Н.И. *Логический словарь-справочник / АН СССР. Институт философии.* – М.: Наука, 1975. – С. 7–8).

семантическое определение, но и они вполне допускают описание средствами разговорного русского языка. Причем указанные зависимости отображаются разговорными средствами практически любого национального языка! А уж при наличии у данного языка письменности (что является признаком его большей развитости) – тем более.

3. С учетом вышеизложенного в п.2, любую, сколь угодно сложную словарную конструкцию, характерную для описания в языке самого высокого уровня, можно всегда реализовать, составив из более простых фраз элементарного языка. Здесь имеет место простая аналогия между возможностью построить здание, как из больших блоков-определений (язык высокого уровня), так и из более мелких кирпичей, составляющих каждый отдельный блок.

4. А вот обратный процесс: выражение тонких нюансов наиболее элементарного языка в языке более структурированном, необоснованно воспринимаемом, как «сильный», возможен далеко не всегда. (То же пример, что и в п.3, но с попыткой замены «художественной» кирпичной кладки со сложным профилем на простые блоки большого размера).

5. По аналогии с вышеизложенным, замена достаточно сложного описания предмета или явления, представленного более сложным языком на эквивалентное, но в более простом языке, не отразится на итоговой функциональности описания, а лишь приведет к увеличению объема текстовой записи. Пример из области вычислительной техники: программу, или базу данных, записанную на высокоуровневом языке программирования (например, «Си», «Паскаль») можно записать и на ассемблере. А записанное на ассемблере – можно записать и в машинных кодах.

6. Замена простого описания в простом языке на описание в сложном (так называемом «сильном» языке) или описание простейших вещей избыточно «сильным» языком вызовет лишь усложнение и потенциальное снижение корректности описания. (По нашему мнению, именно с такой ситуацией столкнулся А. Тарский в стремлении формализации и использования естественного языка для решения простых задач).

Таким образом, с формально-логической точки зрения, тот самый «мета-язык», который рекомендуется рядом исследователей для проверки корректности описания предмета, явления или процесса в естественном языке, должен обладать большей разрешающей способностью, т.е. он должен обладать меньшим уровнем структурирования (размера минимального используемого элемента информации), чем естественный язык, а не наоборот. Такая ситуация хорошо известна из метрологии: эталонные приборы, являясь более точными, всегда имеют меньшую цену деления, чем обычные. Но почему-то господствующая точка зрения философов дескриптивного направления прямо противоположная. Что, видимо, также объясняется историческими причинами, ибо метрология, по большому счету, ещё не успела отразиться в философских доктринах, ибо появилась относительно недавно, будучи обязанной своим появлением в России развитию ракетно-космических технологий.

По мнению Я. Хинтика, главное философское влияние работы А. Тарского в том, что он показал, что определение истины (с учетом некоторых допущений) «может быть дано для формального языка лишь в более сильном метаязыке» [19, с.54]. «Но вне нашего используемого языка нет более сильного языка. Поэтому в плане того, что действительно имеет философское значение, определения истины невозможны». Получается, что «в этом смысле истина буквально невыразима» [19, с.54]. И *«хотя философское влияние результатов работы А. Тарского не пошло дальше обоснованных сомнений, преобладающее большинство философов явно приняли их, для того чтобы закрыть проблему определенности раз и навсегда». Поэтому «более широкое философское сообщество приняло факт невыразимости истины для философски значимых языков как установленный результат»* [19, с.55].

При анализе отмеченной аргументации в пользу невыразимости истины с помощью функционально-целевого подхода, становятся очевидными сразу несколько её противоречий со здравым смыслом.

Во-первых, указанные доводы не имеют никакого отношения к выявлению сущности истины. Истина – это соответствие того, что реально существует в природе, представлению о нем в мышлении человека. Проще говоря, соответствие между теорией и практикой. А сопоставление средств одного языка с другим (в данном контексте одной виртуальности с другой) к выяснению сущности истины отношения не имеет.

Во-вторых, у философии нет формального права обсуждать сугубо специфические вопросы из области других наук, в которых она не является компетентной. Язык – очень специфическая область знаний, не являющаяся предметом изучения философии, как дисциплины, изучающей наиболее общие существенные характеристики и фундаментальные принципы реальности (бытия) и познания, бытия человека, отношения человека и мира. Как известно, к задачам философии относятся совсем другие: изучение всеобщих законов развития мира и общества, изучение самого процесса познания и *мышления*, а также изучение нравственных категорий и ценностей. (К типичным философским вопросам относятся: «Познаваем ли мир?», «Существует ли Бог?», «Что такое истина?», «Что такое хорошо?», «Что первично – материя или сознание?»).²⁴

В-третьих, нет никакого смысла осуждать сугубо специальные вопросы формализации семантики языка на философском уровне. Поскольку конкретные (прикладные) вопросы семантики давно решены на более высоком уровне, чем абстрактно-философский, применительно к реальным языкам программирования и успели стать многократно проверенным рабочим инструментом. Т.е., современная практика давно опередила первоначальную семантическую теорию. Это давно уже не философское дело.

В-четвертых, недопустимо делать вывод о невозможности определения истины на основании анализа какого-то одного или даже нескольких языков. Поскольку всегда можно обнаружить такой язык, который свободен от недостатков того языка, на основании анализа которого сделан негативный вывод.

²⁴ См., например, материал из Википедии – свободной энциклопедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%E8%EB%EE%F1%EE%F4%E8%FF>

Это очень специфическая область знаний, к тому же, сильно зависящая от особенностей конкретного языка: для русского семантика одна, для английского – совсем другая, для китайского – третья, а вообще языков огромное множество. (Всего на Земле существует порядка 5–6 тысяч естественных языков, из которых 69 наиболее известных представлены в Википедии с указанием количества использующих данный язык) [10]. Кроме того, известно и около 90 специализированных, формализованных языков отображения реальности – это языки программирования, которые с узкоспециальной точки зрения вполне можно считать полноценными языками [11]. Поэтому для однозначного вывода об определмости истины средствами языка на основе анализа его семантики, нужно сначала создать некий гипотетический язык, представляющий симбиоз всех существующих языков.

В-пятых, если представления части философов о невыразимости истины сформулированы в русском (или аналогичном) естественном языке, а более сильного языка для проверки этих высказываний, по их же мнению, нет, то из их собственной точки зрения следует недостоверность собственных высказываний. Получается, что указанными высказываниями, тот, кто их высказывает, дезавуирует свою же точку зрения.

В-шестых, стремление проверить более простой язык более «сильным», а значит, и более сложным, несет в себе явное логическое противоречие – с точностью до прямо противоположного. Хотя бы потому, что язык более высокого уровня более сложен и более неочевиден, в нем есть скрытые от внешнего взгляда внутренние функциональные связи и он не может учитывать тонких нюансов, свойственных первичному языку. Как следует из личного опыта автора на примере технических систем, типичный анализ любой достаточно сложной системы заключается в её разложении на более простые компоненты, принцип действия каждого из которых безусловно очевиден. То же касается и языка, который с функциональной точки зрения вполне может быть отнесен к подобным системам. Базовые объединенные конструкции, содержащие в себе множество простых, более сложный язык может и должен содержать и адекватно отображать,

но более простые и элементарные – никогда! Иначе он сам превратится в язык низкого уровня. И здесь мы вправе говорить о низкой «разрешающей способности» языка высокого уровня. Типичный пример из наиболее формализованной области языков – языки программирования. С помощью языка низкого уровня (ассемблер) можно эмулировать (т.е. программно моделировать) язык более высокого уровня, а вот эмулировать ассемблер языком высокого уровня уже не получится. Это равноценно попытке поставить полноценную операционную систему MS Windows (программу управления аппаратными средствами компьютера) на простейший мобильный телефон. (Типичный пример в вычислительной технике - язык программирования высокого уровня не может самостоятельно реализовать функции низкого уровня, например, обращение к отдельным регистрам процессора. Он способен это делать только через обращение к средствам более низкого уровня – ассемблеру или операционной системе). А с помощью ассемблера описать сколько-нибудь сложный язык не составит принципиальных проблем, единственное, что может потребоваться – это значительное увеличение количества строк программного кода.

Показательный пример: рассмотрим небольшие по размеру кирпичи и крупные бетонные блоки. С помощью кирпичей всегда можно построить то же, что и из блоков большего размера, но только использовав много кирпичей. А вот сложить из громоздких блоков конструкцию меньшего размера, чем отдельный блок или более сложной формы, как из гораздо более мелких кирпичей, уже не получится.

Если резюмировать всё вышеизложенное с точки зрения используемого нами подхода, то получаем вполне закономерный вывод, что утверждения тех философов, которые считают критерием определмости истины возможность описания соответствующего ей явления, процесса или предмета в языке более высокого уровня (более «сильном» языке, как они утверждают), верны с точностью до обратного: язык более высокого уровня вполне можно обмануть (он не выявит тонких первичных нюансов и опишет ту первичную информацию, что ему преподнесут), в вот язык естественного описания – нет (ввиду его высокой

«разрешающей» способности). Т.е., с нашей точки зрения, критерием истинности описания является возможность представления описываемой сущности в наиболее простом (наиболее слабом)²⁵ языке. Или, что то же самое, возможность выразить описание наиболее простыми словами. В известной степени сказанное можно пояснить тем, что описание любой сущности можно свести к двоичному виду – к комплексу элементарных характеристик или вопросов, на каждый из которых следует дать ответ «Да» (1) или «Нет» (0) [3, с.22, 23]. Полученная в итоге двоичная матрица будет описанием данной сущности. И это будет ничем иным, как своего рода протоязыком, в котором описана данная сущность. В данной матрице данное описание будет понятным, но в языке высокого уровня (так называемом «сильном» языке) такое описание будет выглядеть, как полная бессмыслица – последовательность нулей и единиц. А бессмыслицу проверить невозможно.

Утверждение о том, что критерием истины является возможность её изложения языком более высокого уровня, чем естественный, более, чем сомнительны и с другой стороны. Получается, что для объективного представления о реальности нужно сначала иметь первичную теорию или описание, содержащее базовую фактографическую сторону объективной реальности и лишь затем описывать её ещё раз, но в более сильном языке? Выходит, что вторичное описание более истинно, чем первичное, соответственно причинно-следственная связь направлена из будущего в прошлое. Это противоречит принципу директивности причинно-следственных связей [14, с.167-181]. Да и вероятность ошибок при интерпретации описания из «слабого» языка в более сильный весьма высока (вспомним детскую игру в «испорченный телефон»).

²⁵ Такая трактовка «силы» или «слабости» языка задана апологетами «семантической проверки истинности». В действительности более простой язык вовсе нельзя считать более слабым, скорее наоборот (оценка зависит от поставленной задачи).

Логический посыл утверждения о верификации определения истинности метаязыком заключается в том, что этот вторичный («сильный») язык априори более истинен, чем первичный, в котором собрана исходная информация. Но такой подход приводит к необходимости полного отрыва от исторических корней естественного языка и всего накопленного в нем предшествующего знания, что влечет за собой утрату базы достоверных знаний, выполняющих роль своеобразного эталона уже ассимилированной человечеством истины. Кроме того, если представить, что отображение объективной реальности можно доверять только метаязыку, то и начинать изучение всего, что есть, следует сразу с языка высокого уровня – метаязыка, а естественный язык упразднить.²⁶ Зачем терять время на то, что заведомо некорректно? Но главное, что сам метаязык, если уж он способен проверить любые высказывания на истинность, должен хотя бы в неявном виде содержать в себе знание обо всем! Тогда зачем вообще нужен предмет исследования? Сидя в кабинете, не имея никакой связи с реальностью, можно заниматься рассуждениями, непротиворечивыми в рамках семантики данного метаязыка (если её корректно понимаешь) – и проверять истинность знания обо всём, используя свойства языка! Получается, что ни саму природу, ни естественный язык изучать незачем, если к ним заведомо нет доверия! Но это мелочь по сравнению с перспективами научных изысканий, открываемых данным «верификационным» подходом. Ведь если задаваться любой наобум взятой информацией и проверять её формализованным метаязыком, то в итоге получится истинное знание. Правда, с учетом результатов такой проверки оно окажется со знаком «плюс» или «минус», что впоследствии нетрудно скорректировать простой инверсией до получения позитивного результата. Вводишь в компьютер всякую чушь, а в ответ получаешь высшую мудрость.

²⁶ Но если этот метаязык станет единственным естественным языком общения, то не придется ли искать новый метаязык? Это к вопросу о том, что неверный изначальный посыл приводит к нелепости всю последующую цепочку рассуждений.

Однако, в попытке реализовать эту красивую идиллию практически, тут же наталкиваешься на противоречие в высказываниях самих апологетов проверки истины метаязыком. *Оказывается, что этого самого метаязыка, в рамках которого «описание истины будет истинным», в природе не существует.* Как они сами же и сказали. Тогда зачем этим метаязыком людям голову морочили? Более того, если естественному языку верить нельзя, а метаязыка нет, то на чём вообще общаться? Ладно бы лишь наука, но ведь и вся человеческая популяция может лишиться средства общения! Значит, и любое изучение чего бы то ни было в естественном языке, тем более утрачивает всякий смысл, а те, кто это предложил и осознал, должны, понимая это, первыми уйти из науки, которая также утрачивает всякий смысл.

Вообще указанная ситуация с попытками высасывания истины из семантического пальца во многом напоминает положение, сложившееся в теоретической физике. Есть аргументированное мнение, что в последнее время физики перестали интересоваться реальными явлениями, материей, полагая, «что природу можно высосать из математического пальца» [1, с.17]. Наглядным примером сказанного является наличие научного направления «теоретическая физика» и ученых степеней «доктор физико-математических наук» или «кандидат физико-математических наук». (Учитывая универсальность математического аппарата, возникает закономерный вопрос, почему, например, обижены медики или историки: не присваиваются звания типа «кандидат/доктор медицинско-математических наук», или «историческо-математических наук»?) Если физикам разрешено, то почему другим нельзя? Заодно и новые научные направления бы организовать: «Теоретическая медицина», «Теоретическая история»! А как заманчиво звучал бы научный статус философа с прилагательным «философско-семантических наук»! Принцип-то высасывания один и тот же!

Однако, данная ситуация противоречит вышеупомянутому принципу директивности причинно-следственных связей, требующих строгого разграничения между причиной и следствием [14, с.167–181]. Доктор технических наук, профессор и академик трех российских академий наук В.А. Ацюковский напомнил

о том, что еще в мае 1909 года в книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [6] было впервые показано, как произошел кризис физики из-за того, что физики оказались не готовы познавать глубины строения материи. Когда обнаружилась некорректность концепции неделимости атома, вместо изучения природных явлений на более глубоком уровне, чем атом, у физиков началась подмена физической сущности явлений их математическим описанием, которая не изжита и по сей день. Похожая ситуация продолжается и в современной философии, с той лишь разницей, что делаются попытки заменить «математический палец» на палец семантический.

Однако мы уже показали, что метаязыка, превосходящего функциональность естественного языка общения и способного выполнять функцию «семантического пальца», не существует. Причем показали это самым неопровержимым образом – ссылкой на соответствующее утверждение самих же апологетов данного метаязыка.

Есть и ещё одна нелогичность в точке зрения о невыразимости или неопределимости абсолютной истины средствами естественного языка. Это использование ссылок на ранние труды одного из ученых (А. Тарский), написанные аж за тридцать лет (!) до начала практической проверки предложенных им положений (создание первой версии работоспособного языка логического программирования). В связи с чем данные положения следует рассматривать как носящие чисто гипотетический, очень предварительный характер. Если уж рассматривать вопросы семантики языка и отображения объективной реальности в языках, то нужно делать это на основе современных трудов в области прикладной математики и вычислительной техники, радикально уточняющих, дополняющих и развивающих исходные положения первоначальных изысканий в области семантики. Таких работ огромное множество, и решают они задачи гораздо более сложного уровня, чем тот, на котором философия заиклилась ещё полвека назад. А вопрос о выразимости истины средствами языка на практике давно уже не актуален. Реальная техническая практика обошла стороной застрявшую на этом месте философскую теорию.

Если отбросить излишние мудрствования, то в эпоху тотального применения вычислительной техники и самых разных языков описания и моделирования объективной реальности, обращаться к средствам любого языка, как источнику мудрости или средству контроля истинности объективной реальности может лишь крайне наивный обыватель. Сегодня большинству знакомых с компьютером известно, что это лишь вспомогательный инструмент с ограниченной функциональностью, а вовсе не кладезь мировых знаний.

Из вышеизложенного следует, что ещё одно принципиально значимое событие (помимо уже отмеченных), которое осталось незамеченным современной философией – это широкое применение прикладного программирования и связанное с ним развитие высокоуровневых языков программирования, включая и языки логические. Во всех языках программирования решены в необходимой для их функциональности степени вопросы семантики и содержится исчерпывающий набор логических функций, что вполне обеспечивает моделирование (а тем более и описание) объективной реальности, но никаких дискуссий в среде специалистов это давно не вызывает. Как не вызывает сомнения и семантика описания проблемных ситуаций, достаточная для программного моделирования большинства ситуаций, которые может охватить человеческий разум. Почему-то в спорах о логико-семантических свойствах языка некоторые философы до сих пор ссылаются на сугубо теоретические представления А. Тарского более, чем полувековой давности. (Напомним, что это представления того периода, когда ещё не было ни кибернетики, ни вычислительной техники – первая публикация по кибернетике появилась только в 1947 году). Хотя действительность в этой части давно превзошла все невероятно отсталые представления о ней, и те вопросы, о которых философы ещё только спорят, ссылаясь на А. Тарского, уже давно стали рабочим инструментом любого инженера-программиста. Причем инструментом, эффективность работы которого подтверждена многолетней практикой сугубо прикладной, а значит, и регулярно проверяемой на истинность деятельности.

В ряду убедительных аргументов в поддержку возможности представления истины естественным языком общения может занять достойное место и порядок формирования основ любой из естественных наук, поскольку основы, как известно, являются наиболее достоверной и неопровержимой частью (по сути, фундаментом) тех наук, которые они олицетворяют. В идеале между основами науки и неопровержимыми истинами можно поставить знак равенства. Правда, это относится только к корректной трактовке понятия «основы»²⁷, предложенной автором в контексте соблюдения принципа директивности причинно-следственных связей [14, с.177].

Поэтапно рассмотрим концептуально корректный порядок формирования исходного знания, лежащего в основе формирования базового фундамента любой из естественных наук, и те требования к языку описания объективной реальности, которые необходимы для обеспечения каждого из рассматриваемых этапов формирования (см. *Таблицу 3*). При этом учитываем, что чем меньше порядковый номер этапа, тем более неоспоримым является соответствующее ему знание. Соответственно, абсолютно очевидные факты, соответствующие первому этапу, можно рассматривать, как парадигму абсолютной истины. А чем выше порядковый номер этапа, тем меньше соответствующие ему знания соответствуют истине, т.к. они нуждаются в более сложных и неочевидных доказательствах.

Как следует из *Таблицы 3*, то если исходить из самых жестких критериев объективности, все наиболее очевидные и неопровержимые знания первых трех этапов без проблем описываются естественным языком общения. Хотя самым неоспоримым требованиям к «истинности» знания удовлетворяет лишь первый этап. Таким образом, функционально естественный язык легко перекрывает требования к описанию истины в её наиболее очевидной форме. Если же под средствами языка подразумевать и использование средств наиболее элементарной

²⁷ К сожалению, нередко встречается некорректная трактовка понятия «основы» науки. По мнению автора, трактовка, предполагающая под понятием «основы науки» используемый для её описания математический аппарат и идеализированное представление о сущности изучаемого предмета, является некорректной.

математики, что уже много столетий является неотъемлемой принадлежностью любого цивилизованного языка, то адекватному отображению в естественном языке подлежат и все пять этапов формирования основ знания. Которые, как уже указывалось, тоже могут быть отождествляемы с понятием истины, но при несколько более сложной процедуре доказывания. Однако, не будем забывать, что даже и последний – восьмой этап использует в качестве базы естественный язык общения, используемый, как структурирующее начало «языка» математики и специальных наук. Таким образом, из условий корректного формирования основ наук или отраслей знания следует, что описание истины в естественном языке общения не вызывает сомнений.

Собственно говоря, при условии тесного контакта новых философских направлений с практикой, для подобных сомнений не возникло бы и объективных причин, поскольку сказанное давно существует на практике.

Таблица 3

Порядок приоритетности этапов формирования основ науки
или научного направления и требования к языку описания этапов

<i>№п/п</i>	<i>Содержание этапов формирования основ научного знания</i>	<i>Необходимый язык для описания этапа и полученного знания</i>
1	2	3
1	Наиболее простые и очевидные факты, наблюдаемые человеком непосредственно в естественных условиях и ходе своей практической деятельности, без применения специальных приспособлений и приемов наблюдения.	Естественный язык общения
2	Те же вышеуказанные факты, что и наблюдаемые человеком непосредственно, но с использованием фактора внимания – т.е. в процессе специально организованных наблюдений.	Естественный язык общения
3	То же, что и в п.2, но с помощью простейших приспособлений, которые могут быть человеком изготовлены самостоятельно (например, закопченное стекло для наблюдения за солнечной короной или маятник для наблюдения за силой тяжести или колебательным движением) – без применения специальных методик наблюдения.	Естественный язык общения

4	То же, что и в п.3, но с использованием специальных методик наблюдения в естественных условиях.	Естественный язык общения, плюс язык элементарной математики
5	То же, что и в п.4, но с использованием специальных приборов наблюдения, изготовленных в процессе общественного разделения труда (самостоятельно исследователь их изготовить уже не сможет) в естественных условиях.	Естественный язык общения, плюс язык элементарной математики
6	То же, что и в п.5, (с использованием специальных приборов наблюдения) но с использованием специальных методик наблюдения в естественных условиях.	Естественный язык общения, плюс языки элементарной математики и статистики
7	Поисковые исследования «провокационного» типа - в искусственно созданных (моделируемых) условиях, не свойственных для естественного состояния предмета исследования (опытный эксперимент по выявлению исследуемой сущности предмета или явления).	Естественный язык общения, плюс языки элементарной математики и статистики
8	Исследования, включая любые из вышеописанных в п.п. 1...7, но с применением теоретического аппарата из других областей деятельности или наук (например, математики).	Естественный язык общения, плюс языки элементарной математики и статистики, плюс язык теоретического аппарата соответствующей науки

В дополнение к приведенным выше аргументам, следует отметить, что возможность выявления и строгого позиционирования конкретного представления истины в естественном языке общения в значительной степени можно обосновать и благодаря целенаправленному использованию функционально-целевого научного подхода, в соответствии с которым различные аспекты интеллектуальной деятельности (не исключая и задачи в области экономики) можно рассматривать, исходя из целевых установок сугубо практического характера.

При этом за парадигму нахождения истины вполне реально принять целенаправленную интеллектуальную деятельность, в идеале приводящую к созданию изобретений, каждое из которых можно трактовать, как выявление локального фрагмента истины [12, с.82–86]. Решающее значение здесь имеет тот факт, что, *во-первых*, создание изобретений направлено на достижение сугубо практических целей, что обеспечивает автоматическое соответствие связанного с ними знания объективной реальности. Этому же способствует обязательность доказывания заявленного положительного эффекта при регистрации изобретения, что

также обеспечивает его проверку на соответствие объективной реальности. *Вторых*, система международной классификации изобретений (прежняя МКИ или современная МПК) обеспечивает деление всей обширной области подпадающего под неё знания на мелкие функциональные блоки, что соответствует принятым нами критериям минимизации, ограниченности и конкретизации истины. Дополнительное деление этих блоков на ещё более мелкие, элементарные фрагменты обеспечивает ограничительная часть формулы изобретения, которая при тщательном подходе к её составлению вполне позволяет довести деление (классификацию) до уровня элементарного «кирпичика» знания. А сама суть изобретения, сформулированная уже в отличительной части формулы изобретения, и является непосредственным знанием. Сочетание того и другого приобретает черты абсолютной истины, поскольку удовлетворяет её критериям, прежде всего, таким, как конкретность, простота, очевидность, окончательность и невозможность опровержения при дальнейшем развитии науки и практики [5, с.7,8]. Последний критерий обеспечивает сама суть изобретения, поскольку истинное изобретение, как известно из методологии решения изобретательских задач, является актом устранения конкретного технического противоречия. Устранение противоречия, традиционно рассматриваемого в философии как источник движения и развития, исключает возможность дальнейшего качественного изменения системы, приводя её к наиболее простому и устойчивому состоянию. А критерий «очевидность» до введения в СССР/России нового патентного законодательства уже сам по себе являлся реальным и формальным критерием изобретения (не удовлетворяющие ему решения вообще не принимались к рассмотрению в качестве предполагаемого изобретения). Соответственно, акт создания полноценного изобретения можно с полным основанием сопоставить с актом выявления истины (в отношении решаемой изобретением задачи). То же самое можно отнести и к описанию изобретения, реализуемому на одном из естественных языков общения.

Но если естественным языком можно однозначно описать сущность изобретения, которое мы в рамках данной публикации и соответствующих целевых установок рассматриваем, как локальный акт постижения истины (а сведения, опровергающие возможность описания изобретения естественным языком пока неизвестны), значит, естественный язык эту истину и в состоянии описать.

Заключительные положения

Таким образом, в данной публикации аргументированно показано, что как определение истины в её обобщенном понимании, так и возможное определение абсолютной истины, вполне могут быть выражены в естественном языке общения. То же самое относится и к описанию конкретного содержания истины.

Веским подтверждением представленного вывода является демонстрация факта, что сомнение в таком определении истины возникло лишь в локальных пределах самой философской среды. Однако, философия не является единственным потребителем нуждающегося в достоверном описании знания. Пока что не выявлено претензий к философской поддержке науки или самому естественному языку со стороны других отраслей знания, которые бы заключались в том, что используемый философией и наукой в целом естественный язык не дееспособен с функциональной точки зрения: не обеспечивает потребностей, обусловленных функциональной деятельностью человека. В публикации показано, что даже особо чувствительное к тонким нюансам отображения реальности литературное сообщество в рассматриваемом контексте вполне обходится средствами естественного языка, а специалисты в области информационных технологий (в части формирования средств программного обеспечения) – даже значительно меньшим набором функциональных возможностей, чем потенциально обеспечивает естественный язык общения. Этим подтверждается обоснованность выводов данной публикации.

Вывод о нелогичности постулата о невыразимости истины естественным языком общения очевиден также из того, что он сформулирован и представлен этим же, обвиняемом в несовершенстве языком. Возникает диалектическое противоречие: если данному языку нельзя доверять, то точно так же нельзя доверять

и аргументам о недоверии, выраженным в том же самом языке. Противоречие логически разрешается взаимоуничтожением обоих исходных постулатов.

Как было показано в ходе предшествующих рассуждений, естественный язык общения избыточно многофункционален, а значит, слишком сложен по сравнению с теми ограниченными требованиями к семантике, которые актуальны для апологетов неправильности языка. Это, исходя из целевых установок последних, объективно не может быть воспринято иначе, как существенный недостаток языка. Причина в том, что сложность привлекаемого к работе инструмента должна соответствовать сложности выполняемой им работы. В этой части показательно сравнение карманного калькулятора и персонального компьютера, с избытком реализующего все функции калькулятора. Тот факт, что для простых задач (например, продавцам на рынке) *удобнее* использовать простейший калькулятор, ещё не дает оснований для дискредитации компьютера. Т.е. проблема не столько в неправильности естественного языка, сколько в неправильном выборе этого избыточно сложного инструмента для слишком простых задач.

Не последнюю роль в сказанном играет и умение пользоваться данным инструментом. В полной мере использовать выразительные средства языка способны лишь специалисты, профессионально работающие со средствами языка. Ученые-философы к такой категории не относятся (не так много среди них выдающихся писателей и поэтов). То же касается и критики или анализа потенциальных возможностей естественного языка. Не случайно существуют целые направления науки, такие как: *филоло́гия* (совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве); *лингвистика* (наука о естественном языке человека); *синтаксис* (раздел науки о языке, изучающий словосочетание и предложение, их строение, значение и роль в речи); *морфология* (часть языковой системы - грамматики слова, определяющая грамматические классы слов в языке (части речи), их формообразование и словоизменение); *лексика* (раздел науки о языке, изучающий значение слов и их совокупно-

сти) и некоторые другие разделы языкознания. *А также семантика, рассматриваемая как раздел лингвистики,²⁸ изучающий смысловое значение единиц языка, корректное использование которого требует знания вышеупомянутых дисциплин.* Безусловно, философская наука в своих изысканиях вправе интересоваться любой областью знания с концептуальной точки зрения, что она реально и делает. Не является исключением и семантика. Но из фактов проявления такого интереса вовсе не следует, что все области знания, которыми когда-либо поинтересовалась философия, должны автоматически причисляться к философии. А самое главное, это не дает философии логического обоснования на право ревизии конкретных положений конкретных наук. (С точки зрения целевого подхода, истинность конкретного знания имеет преимущество перед абстрактным обобщенным знанием).

В то же время, конкретика такова, что среди публикаций в области языкознания не просматривается указаний на сколько-нибудь существенную неправильность языковых средств естественного языка или невозможность их использования для корректного отображения объективной реальности. Возникает аргументированное впечатление, что критикующие язык исследователи философского направления вторглись не в свою область компетенции.²⁹

В качестве демонстрации многофункциональности языка в данной публикации обращено внимание на примеры малоизученных функций, реализуемых средствами естественного (в частности, русского) языка общения. Эти функции языка, конечно же, затрудняют его использование для простых задач, не вытека-

²⁸ Факт внимания философов к анализу семантики вовсе не исключает лингвистической основы данного раздела науки, поскольку в широком смысле слова семантика – это раздел не философии, а языкознания. См., например, <http://fb.ru/article/123985/semantika---eto-nauka-bez-kotoroy-nevoobrazimo-slojno-izuchat-yazyik/>. Семантика же, трактуемая, как средство математической логики, имеет смысл лишь в рамках конструкций формализованного языка и не может использоваться в качестве средства философского анализа. В частности, применительно к языкам программирования под семантикой понимают *систему соглашений*, определяющих понимание формул языка, задающих условия истинности этих формул.

²⁹ Возникает каверзный вопрос: не используется ли ссылка на несовершенство языка, как оправдание застоя в философии – наличия кризиса философской мысли (т.е. фактическое стремление переложить свою вину на кого-то другого)?

ющих из функциональной сущности языка, как исторически сложившегося средства коммуникации между субъектами, разделенными значительными промежутками в пространстве и времени, или как средства речевой передачи управляющих воздействий и обратной связи в естественных или искусственно созданных эргатических³⁰ системах управления, и поэтому создают видимость «неправильности» языка при реализации простых задач в идеальных лабораторных условиях.

Анализ таких функций с использованием функционально-целевого подхода показывает, что те особенности языка, которые создают у непосвященного человека впечатление о неправильности естественного (в частности, русского) языка, на самом деле имеют глубокий реальный смысл, исходя из функциональной сущности языка, как практического средства коммуникации. В частности, уже упомянутая приоритетность элемента предложения, позволяющая акцентировать внимание на иницирующем звене причинно-следственной связи, указывает на задающее или управляющее звено в составе взаимодействующих элементов, указанных в составе единичного сообщения (т.е. в предложении). Из сущности языка, как универсального средства коммуникации, вытекает и строго логичное объяснение функциональной сущности рифмования, как способа кодирования информационного сообщения с целью обеспечения неискаженной передачи устных речевых сообщений и их длительного хранения при отсутствии материальных носителей информации (стихи, песни, народный эпос). То же в последнем случае касается и использования синонимов, увеличивающих необходимую словарную базу по сравнению с минимально достаточной для формирования информационного сообщения.

Реализация обоих указанных функций требует усложнения семантики языка (по сравнению с достаточной для задач современной философской науки) за счет использования механизма перемены порядка слов в предложении без искажения

³⁰ Эргатическая система – схема *производства*, одним из элементов которой является человек или группа людей. См.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E3%E0%F2%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF_%F1%E8%F1%F2%E5%EC%E0

исходного смысла заложенного в нем сообщения (видоизменение взаимосвязанных слов по родам, лицам, числам, падежам и наклонениям, согласование окончаний взаимосвязанных слов). Но это ни в какой степени не дискредитирует естественный язык с точки зрения его описательных возможностей в отношении объективной реальности.

По большому счету, решающей причиной возникновения вопроса о невыразимости истины в естественном языке, по мнению автора данной публикации, явился отрыв философской науки от решения задач практического характера. В связи с чем оказалась нарушена система обратной связи, способствующая проверке научных положений на истинность и способствующая формированию объективного знания. (По субъективному мнению автора, безусловную истинность научных положений может гарантировать только прикладная наука).

Если непредвзято рассматривать сущность анализируемой ситуации, сомнение в определении истины очень похоже на научное хулиганство. Которое возникло по причине незагруженности реальной работой некоторой части исследователей, склонных к эпатажному самовыражению. Поскольку мнение о невозможности достоверного описания объективной реальности естественным языком (в условиях, когда весь накопленный человечеством опыт и научный потенциал представлен именно в этом языке, а другого сопоставимого по своим возможностям языка просто не существует), ставит под сомнение саму целесообразность существования не только философии, но и всей науки в целом. С чем явно невозможно согласиться.

Глобальными предпосылками к возникновению проблемы в данном контексте логично признать отсутствие постановки перед философией значимых задач не только планетарного, но и хотя бы общегосударственного значения, достойных по своему масштабу уровня этой науки (например, формирование и сопровождение национальной идеи), а также отсутствие финансово обеспеченного мониторинга работ, направленных на научное сопровождение данных задач. Исключительно огромный объем задач для философии существует и в повседневной производственной, научной или образовательной деятельности. В условиях

постановки перед философией реальных задач, реального финансирования и контроля за результатами их выполнения, обосновать свою научную инфантильность или непродуктивность ссылкой на несовершенство языка уже не представится возможным.

Закономерным выводом публикации является также необходимость постановки и решения философской задачи по созданию функционально-ориентированной модели русского языка, поэтапное совершенствование которой приведет к всё более полному пониманию сущности естественного языка общения с философской и функциональной точек зрения. Это реальная задача для тех, кто инициировал вопрос о невыразимости истины с помощью естественного языка.

Таким образом, претензии определенной части исследователей к функциональности естественного языка общения, в части невозможности определения истины с его использованием, можно считать необоснованными. *Истина может и должна выражаться именно в естественном языке общения.*

Дополнительным доводом в пользу вышесказанного и дальнейшим развитием приведенной аргументации может и должна стать разработка функционально ориентированной дефиниции³¹ истины. Для этого необходимо формирование более конкретного и адаптированного к бытовым и производственным потребностям человека определения понятия и критериев истины, чем это следует из существующего состояния современной философской науки. (Не вполне конкретное, нередко чрезмерно расширенное, современное представление об объективной сущности истины пока ещё сохраняет элемент неуверенности в возможности её определения средствами языка). Попытка подойти к реализации указанной задачи будет осуществлена в следующей работе автора данной публикации.

³¹ Дефиниция – краткое и точное определение, толкование какого-л. понятия. Толковый словарь Ефремовой. – <http://enc-dic.com/efremova/Definicija-19744.html>

Список литературы

1. Ацюковский В.А. Вековой блеф физической «теории». М.: «Петит», 2008.
2. Бердников В.А., Осипов В.В. Целевой подход как средство повышения объективности производственной и научной деятельности в условиях рынка. / Материалы 7-й Международной научно-практической конференции «Проблемы развития предприятий: теория и практика», г.Самара, 27-28 ноября 2008г. Секция 2. Эффективность научно-технического прогресса в промышленности. Типография Самарского гос. экон. ун-та, г.Самара, 2008г. С.13.
3. Бердников В.А., Булов В.Г., Осипов В.В. Формально-ориентированный механизм разработки и принятия конкурентоспособных решений в инновационном секторе промышленного комплекса. // Вестник Самарского государственного экономического ун-та. Серия «Экономика» 2012 год, №12 (98). С.16-26.
4. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности / Пер. с англ. Т.В.Барчуновой. – Ярославль: «Норд», 2004. Т.2., Кн.1. – 384 с.
5. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / АН СССР. Институт философии. - М.: Наука, 1975.
6. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений, 5-е издание, том 18.
7. Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология (учебное пособие). – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 280с.
8. Назаретян А. Истина как категория мифологического мышления: Тезисы к дискуссии// Общественные науки и современность. М., 1995, №4.
9. О задачах философской науки. Материал из Википедии – свободной энциклопедии/
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%E8%EB%EE%F1%EE%F4%E8%FF>
10. О количестве известных естественных языков. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. / http://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница.
11. О количестве применяемых языков программирования. / По данным сайта «Tehnari.ru»: <http://www.tehnari.ru/f23/t46711/>
12. Осипов В.В. Изобретательская деятельность как парадигма целевого подхода к разрешению проблемных ситуаций в области экономики. /Проблемы

глобализации современного общества: Материалы Междунар. науч. конф., Тольятти, 19 декабря 2008г.: в 2ч./ ред. колл.: Е.Г.Нестеренко; О.А.Кузнецова (отв. ред.) и др./ Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2009. Часть 1. с.82-86.

13. Осипов В.В. О некорректности употребления понятия «конкуренция товаров» / Город в современном пространстве: культура, политика, экономика, право: сб. науч. трудов. – Саратов, Поволжская академия государственной службы им. П.А.Столыпина, 2011. С.56 - 58.

14. Осипов В.В. Функционально-целевой научный подход о свойстве директивности причинно-следственных связей. / Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия Экономика. №1 (27) 2013г., февраль. С. 167–181.

15. Сайт «ИнъязСервис» - сравнение степени сложности языков. <http://inyazservice.narod.ru/>

16. Tarski A. Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen // Stu Philosophica. V.1, 1935.

17. Tarski A. The Semantic Conception of Troth and the Foundations of Semantics. // Philosophy and Phenomenologica Research, 1944, v. 4, n. 3, pp. 341–375. (Альфред Тарский. Семантическая концепция истины и основания семантики. – Статья доступна в переводе А.Л.Никифорова на сайте Руслана Хазарзара ([khazarzar.skeptik.net>books/tarski01.htm](http://khazarzar.skeptik.net/books/tarski01.htm)))

18. Тарский, Альфред. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E0%F0%F1%EA%E8%E9,%C0%EB%FC%F4%F0%E5%E4>

19. Хинтиikka Яакко. Проблема истины в современной философии. /Вопросы философии №9, 1996г. С.46 – 58.

Осипов Владимир Викторович - старший преподаватель кафедры «Экономика и управление», ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», Россия, Самара.
